

Тань Юмин снова бросился с ним спорить, но Шэнь Цзуннянь перебил его:

— Дай мне договорить. Даже если они не согласятся, я не отпущу. Не согласятся — буду умолять, пока не согласятся. Сделаю всё возможное, чтобы они дали добро. Я больше тебя не покину. Но давай не будем спешить. У тебя всегда будет возможность выбора.

Шэнь Цзуннянь успокаивающе потрепал его за ухо:

— Тебе не нужно так за меня волноваться. Я уже говорил: даже если в итоге ничего не выйдет, я согласен остаться друзьями. Согласен стать просто семьёй. Я приму всё.

Услышав этот ответ, Тань Юмин обрадовался, но в то же время у него защемило сердце:

— Шэнь Цзуннянь, я не смогу быть тебе просто другом или родственником. Я на это не согласен. И я не хочу «не спешить», — он свирепо схватил Шэнь Цзунняня за воротник. — Какое ещё стояние на коленях в зале предков! С тобой мы можем лишь поклониться старшим на нашей свадьбе. Думаешь, директор Гуань и остальные совсем дураки? Я места себе не находил от горя. Неужели они бы ничего не заметили? Дедушка с бабушкой тоже не в маразме. Дальние родственники о чём-то догадываются, а уж про друзей и знакомых и говорить нечего. Мне оставалось только выкупить первую полосу в «Вечернем Хуаду» и раструбить на весь мир, что Тань Юмин любит Шэнь Цзунняня. И к тому же, Шэнь Цзуннянь... Я уже сказал семье, что ни в какие браки по расчёту вступать не буду.

Шэнь Цзуннянь был глубоко потрясён. Это ведь ничем не отличалось от каминг-аута. Какое же колоссальное давление пришлось выдержать Тань Юмину, столкнувшись с этим в одиночку! Он нахмурился и снова попытался его отчитать:

— Как ты мог в одиночку...

— А почему не мог?! — рявкнул Тань Юмин ещё громче. — Почему я не мог?! Раньше я просто ничего не понимал. А как понял — так теперь всё могу и на всё готов!

Он глубоко вздохнул:

— Я уже пообещал им, что отныне годовой оборот компании «Пинхай» будет стабильно расти минимум на пять процентов.

Родственники хлопотали о его браке лишь ради объединения капиталов. Если он выполнит их требования и обеспечит интересы семьи, никто больше не посмеет указывать ему, как жить.

— Родители тоже дали всем понять, чтобы мне больше не подыскивали пару.

Раз уж Тань Чжуншань и Гуань Кэчжи ничего не могут с этим поделать, то остальным родственникам тем более неловко лезть со своими советами.

Шэнь Цзуннянь немного помолчал, а затем тихо спросил:

— Тётушка Гуань и дядюшка Тань сильно расстроились?

Тань Юмин честно ему ответил:

— Они расстроились только из-за того, что ты пропал.

Шэнь Цзуннянь недоверчиво на него посмотрел.

Тань Юмин торопливо заговорил:

— Это правда. Ты спас меня, получил тяжелейшие раны, пропал без вести и чуть не лишился жизни. Они чувствовали огромную вину. К тебе у них остались лишь благодарность и тоска. Дедушка даже рассказывал, что твой дед приходил к нему во сне и спрашивал, куда подевался его внук. Дедушка признался, что даже не знал, что ему ответить. Ему было нечем оправдаться перед дедушкой Шэнем. Потерять тебя для них означало потерять и меня. Главное, что ты жив и можешь вернуться домой. Теперь им больше ничего не важно.

Китайские родители всегда такие. Случись подобное раньше, им, возможно, пришлось бы пройти через множество испытаний. Но после пережитой разлуки на грани жизни и смерти всё остальное утратило значение. Единственное и самое заветное желание для родителей — чтобы их дети вернулись домой живыми и здоровыми.

Шэнь Цзуннянь всё ещё не мог прийти в себя. Его мучило чувство вины, но отступать он не собирался. Если уж ему суждено кого-то подвести или обмануть чьи-то ожидания, то этим человеком точно не должен быть Тань Юмин.

— Хорошо. Тогда рост показателей «Пинхай» возьмёт на себя «Хуаньту». Я сам пойду и скажу им, что это я первым влюбился в тебя. Что любил тебя с самого детства.

— Вот вернёмся, и сам им всё расскажешь.

Тань Юмин выглядел грозно. Он вскинул голову и потянулся поцеловать Шэнь Цзунняня. Спустя четырнадцать лет после Фэрбэкли Шэнь Цзуннянь вновь отчётливо почувствовал, как сердце солнца бьётся прямо у него в объятиях.

Шэнь Цзуннянь был измученным путником среди ледяной стужи. Он осторожно и бережно поймал это обжигающее утреннее солнце. Обняв Тань Юмина за талию, он крепко прижал его

к себе. Их животы соприкоснулись, а губы и языки сплелись в поцелуе.

Они были неразлучными друзьями детства. Были влюблёнными, готовыми пойти друг за другом на жизнь и на смерть. Когда-то они вместе учились читать и писать. А теперь вместе исследовали и вкушали совершенно иные плоды в жизнях друг друга.

Им не хватало опыта, но они идеально подходили друг другу.

Шэнь Цзуннянь знал Тань Юмина лучше, чем тот знал себя сам. Знал его хитрый, изворотливый язык. Знал, что передний зуб у него выпал, когда он грыз яблоко. Знал, что тот дальний зуб очень больно кусается. И теперь Шэнь Цзуннянь попробовал всё это на вкус.

Его поцелуй был таким же прямым, властным и агрессивным, как и он сам. А губы и язык Тань Юмина отвечали дерзко и дразняще. Шэнь Цзуннянь всегда умел держать его в узде. Он предупреждающе прикусил его клыком, легко усмиряя его язык, а затем начал нежно и кропотливо ласкать.

Бахрома на настольной лампе тихо зашуршала. Силуэты на стене сплелись в неразрывный узел. Клыки столкнулись с клыками. Они были равны по силе и никак не могли оторваться друг от друга.

— М-м, м-м...

Тань Юмин отказывался признавать поражение. Он изо всех сил навалился на него, и они вдвоём рухнули на кровать, тяжело дыша. Тань Юмин нащупал шрамы на его талии. Их было несколько — разного размера, неровные, бугристые. В носу у него предательски защипало.

Эти раны должны были достаться ему. Если бы тогда на палубе Шэнь Цзуннянь не бросился на него, прикрыв собой от падающих контейнеров, то на волосок от смерти оказался бы сам Тань Юмин.

Он опустил голову и потёрся кончиком носа о шрам на ключице, словно зверёк, зализывающий раны сородичу. Тёплый нос прошёлся по слегка выпуклой коже легко, как пёрышко. Кадык Шэнь Цзунняня дёрнулся. Он только открыл рот, чтобы отчитать его...

— Шэнь Цзуннянь.

— Больно?

— Не больно.

— Тань Юмин, мне не больно.

Ему было больно только тогда, когда Тань Юмин плакал. Шэнь Цзуннянь мог вынести муки от тяжёлых ран. Мог вынести боль от того, что его поглотили гигантские волны. Но он совершенно не выносил слёз Тань Юмина. Нахмурившись, он погладил его по лицу. В его взгляде промелькнула тревога:

— Ну чего ты плачешь?

— Мне кажется, тебе больно, — всхлипывая, Тань Юмин вступился за него. — Небеса обижают тебя, семья Шэнь обижает тебя, и даже я тебя обижаю.

— Нет, ты меня не обижаешь, — тут же серьёзно поправил его Шэнь Цзуннянь. — Только ты меня любишь. Ты сам сказал, что любишь меня.

— Да, я люблю тебя.

— Шэнь Цзуннянь, — вдруг ни с того ни с сего произнёс Тань Юмин. — Вообще-то, я присмотрел место для могилы на южном склоне горы Баоцзин.

Шэнь Цзуннянь нахмурился. Тань Юмин посмотрел ему прямо в глаза:

— Это двойная могила для совместного захоронения.

Рука Шэнь Цзунняня, лежавшая на его талии, резко сжалась.

— Если бы ты вернулся, после смерти мы бы легли там вместе. А если бы я тебя не нашёл, то в будущем лёг бы туда один. На второй плите выбили бы твоё имя. Я бы представлял, что ты вечно рядом со мной.

— Тань Юмин, — слова парня вызвали у Шэнь Цзунняня смесь горечи и гнева. Он с силой прижал его к себе, но губами коснулся его уха очень нежно. — Какой же ты дурак.

— По-моему, ты ещё глупее.

Кто ещё был бы настолько глуп, чтобы вот так молча любить человека больше десяти лет? Любить так сильно, чтобы постоянно отступать и в итоге пожертвовать жизнью. Любить так, чтобы согласиться быть просто другом или родственником, лишь бы остаться рядом.

Тань Юмин приподнялся, обвил руками его шею и опустил голову:

— Это ты меня воспитал. Раз ты дурак, то и мне остаётся только быть дураком вслед за тобой.

Шэнь Цзуннянь взял его лицо в ладони. Он погладил большими пальцами его покрасневшие глаза и хрипло произнёс:

— Не сваливай вину на меня.

Тань Юмин потёрся своим носом о его нос:

— Буду сваливать. Я теперь буду виснуть на тебе вечно.

— Хорошо.

— Шэнь Цзуннянь, — Тань Юмин прижался своим лбом к его лбу. — Ты так долго меня любил и не мог об этом сказать. Тебе, наверное, было очень тяжело?

— Нет, — возможно, порой и случались моменты боли, но радости и тепла было куда больше. То, что давал ему Тань Юмин, не шло ни в какое сравнение ни с чем на свете. — Я очень благодарен за то, что оказался рядом с тобой. В любой роли.

Шэнь Цзуннянь серьёзно посмотрел на него:

— Тань Юмин, не выдумывай лишнего. Ты заслуживаешь самого лучшего. То, что другие делают для тебя — так и должно быть.

— Угу. Поэтому ты тоже должен быть моим. Ведь ты — самый лучший.

Шэнь Цзуннянь убрал упавшую ему на лоб прядь волос. Он пристально вглядывался в его лицо, и на сердце у него щемило. Человек, которого он с самого детства лелеял и носил на руках, столько выстрадал из-за него. Как Тань Юмин пережил эти сотни дней и ночей? Не попал ли он снова в больницу из-за болезни? О чём он думал каждый раз, когда его надежды рушились? Стоило Шэнь Цзунняню подумать об этом, как ему казалось, что он сходит с ума.

Он трепетно погладил Тань Юмина по лицу, мысленно поклявшись, что обязательно выйдет его и вернёт ему прежний цветущий вид.

Их взгляды переплелись. Полные нежности и слепого обожания. Обоим было горько, обоим было обидно. Но не за себя, а друг за друга. Каждый считал, что другому досталось больше страданий. Каждый считал другого глупцом. Каждый сетовал на несправедливость судьбы к любимому. И каждый злился на то, что партнёр так мало любит себя и так сильно любит его.

У Тань Юмина болело сердце за то, что Шэнь Цзуннянь больше десяти лет скрывал свою безответную любовь и едва не погиб ради него. А Шэнь Цзунняню было до слёз жаль Тань Юмина, который, борясь со страхом разлуки, пережил сотни дней и ночей в беспросветном

отчаянии, но так и не сдался.

Они крепко обнимали друг друга. Сбросив халаты, они жаждали соприкоснуться кожей к коже, слиться плотью и кровью. Сплестись, как ветви двух деревьев, чтобы больше никогда не разлучаться.

Под шум морского прибоя два дурака в старой гостинице наконец нашли потерянные рёбра в своих телах. И впервые за сотни дней и ночей они смогли спокойно и крепко заснуть.

На следующий день они отплыли с острова Одиннадцатого округа и пришвартовались у пассажирского терминала залива Баоли, принадлежащего компании «Минлун».

Гуань Кэчжи сказала, что приедет их встречать. Тань Юмин думал, что будут только она и Тань Чжуншань. Но увидев в VIP-зале дедушку, бабушку и даже Чэнь Ваня с Чжао Шэнгэ, он не на шутку удивился:

— Ого.

У Гуань Кэчжи и Гао Шухун сразу же покраснели глаза. Они обе бросились обнимать Шэнь Цзунняня. Тот немного растерялся, но всё же раскрыл объятия. Обняв их обеих, он тихо произнёс:

— Тётушка Гуань, бабушка, со мной всё хорошо.

Дедушка и Тань Чжуншань сжали его плечи:

— Главное, что вернулся. Едем домой.

Шэнь Цзуннянь посмотрел на Чжао Шэнгэ и Чэнь Ваня и кивнул:

— Спасибо вам.

Чэнь Вань с улыбкой покачал головой. А вот Чжао Шэнгэ церемониться не стал. Он кивнул в ответ:

— Будешь должен.

На этот раз Тань Юмин, что было для него редкостью, не стал с ним пререкаться:

— В следующий раз мы официально пригласим вас на ужин.

— Хорошо.

Представительский седан направился обратно к горе Баоцзин. Всю дорогу Гао Шухун и Гуань Кэчжи суетились, планируя устроить Шэнь Цзунняню тщательное медицинское обследование. Они также решили пригласить мастера фэншуй, чтобы тот осмотрел дом и помолился за их благополучие.

Тётушка Тан заранее приготовила воду с листьями полыни и помело, чтобы смыть дорожную пыль и прогнать злых духов. Тёмная полоса закончилась, и наступила светлая.

Шумный попугай громко вопил: «Нянь-цзай, домой! Нянь-цзай, домой!». И на этот раз его слова наконец-то стали явью. Тань Юмин прямо на глазах у всей семьи велел дворецкому отнести багаж их обоих в комнату Шэнь Цзунняня. Все негласно согласились с этим и приняли как данность. Никто не проронил ни слова против.

<http://bllate.org/book/17117/1621294>